

СТЕНА
ТАУМИНА

Петя и
все

- все - все

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Трумина

Петя и Все-Все-Все

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73170803

SelfPub; 2026

Аннотация

Детская книжка для взрослых про немого и гениального мальчика Петю, который живет в глуши со своими питомцами.

История забавная и где-то даже актуальная.

Елена Трумина

Петя и Все-Все-Все

Петя раскрыл стручок – там, в уютной зеленой колыбели лежал крохотный гороховый кукиш. Кукиш, фи́га, дуля, шиш, у этой кулачной формы много названий, но первое как-то звучнее. Совершив небольшое танцевальное па под названием kick ball change, сначала одной ногой слева направо, потом второй справа налево, Петя присел на корточки показать кукиш питомцам – «а ну-ка!», – сказал бы Петя, если бы не был немым, но, увы, говорить он не мог и поэтому просто многозначительно промычал.

– Ща-а-ы-ы-ы-а-а-а-ыя-а-ы-ы-ы-а-аз-з, – томно выдохнул Щаз, заглядывая в ладонь с видом ресторанныго критика, обнаружившего в супе муху.

– Гы, – буркнул Гы, сморщился и удрал, испортив по обыкновению воздух.

А Иче кукиш сожрал, не побрезговал, он вообще был всеядный карликовый козел.

Сквозь заросли бурьяна, треща ветками и громко чертыхаясь, в страхе пропустить аграрное событие века, продирался к Петиному жилищу профессор Шницельпопперс.

– Эгегей! Ну шо, не сдохли мы сегодня, глядишь еще пропердим пару штанов?! Буа-га-га!!!

Такая у него была привычка приветствовать Петю слегка

сниженной лексикой.

Нетерпеливо дождавшись, когда профессор выкарабкается из химзащитного костюма, Петя распахнул новый стручок и, победно сверкая небесно-голубыми глазами, выкатил гостью плод трехнедельных экспериментов.

– Петя, вы несомненный талант и умница, – похвалил профессор, наводя лупу на так называемый плод. Потом попробовал кукиш на зуб, скривился и плюнул. – Теперь сделайте его съедобным и дело в шляпе. Мы назовем этот сорт гороха «Кукишовый Шницельпопперс»!

Едва профессор взглянул на него, ожидая ответа, Петя взглянул на кота и вместе с котом они завопили:

– Ща-а-аз!

Завопил, разумеется, кот. Петя только беззвучно артикулировал, как будто произнося «щаз».

– Не забывайте, мой юный друг, – с ехидцей напомнил профессор, подсчитывая в уме прибыль от инвестиций в «кукишковые» плантации, – что наши уважаемые грантодатели хотели бы получить отчетец...

– Иче? – буркнул Иче, а Петя сделал вид, что это он буркнул, а не козел.

Синхронизация у них была налажена идеально, как у куклы с диафрагмой чревовещателя.

Надо признать, что Петя преуспел в сокрытии от мира своей немоты, он скрывал ее даже от своего благодетеля и наставника, а тот, привыкнув к немногословности юного ге-

ния, ничего и не замечал. Все гении немного ку-ку, так Шницельпопперс считал, вспоминая Эйнштейна, который славился ненавистью к носкам. Словом, ничуть не обидевшись, профессор довольно миролюбиво похлопал юного гения по плечу:

– Ну вы подумайте, молодой человек! Я вас не тороплю. Я в вас верю. Наш дуумвират еще сотрясет эту планету! Мы еще засадим пустыни Африки антипердежным горохом!

И ушел... сквозь чайный пар взглянув на гору фузий, как писал какой-то поэт, то есть укрепив дух чашкой краснодарского чифиря, потому что до автомобиля надо было чесать двадцать километров, ведь к Петиному жилищу, окруженному вонючими болотами, испарявшими серо-буро-малиновый туман, можно было пройти только на своих двоих, по тайной тропой. А по краям этой тропы Петя высадил генномодифицированный борщевик и растение онга-онга, иглы которых вызывали конвульсию, кишечные спазмы и паранюю (Петя рано понял, что люди приносят неприятности).

Едва скафандр профессора скрылся за зарослями ядовитого борщевика, Петя спустился в подвал, сел за стол и придвинул к себе банку с этикеткой «Лингвопетрплюс №31».

Если вы заглядывали в предыдущий том, то, может быть, помните, что Петя работал над сывороткой «Лингвопетрплюс» с тех самых пор, как сбежал от отчима, который был редкой сволочью и депутатом городского совета города Вологды. Сбежав из родного дома, Петя поселился на юге

(но вреден север для меня, как писал какой-то поэт), в глуши Краснодарского края, в заброшенном деревянном доме, незаконно построенном членами наркообщины, в расчете на плодородную почву, но из-за наводнения в две тысячи девятом году, местность для плантации стала малопригодной. Не без поддержки уважаемого профессора Шницельпопперса с его грантами, свято верившего в юное аграрное дарование, Петя постепенно оборудовал тут целую научно-техническую лабораторию. Вот в ней и кипела работа над делом всей его жизни – сывороткой речи. Была у Пети мечта – создать сыворотку, способную восстанавливать гортань, формировать голосовые связки, короче, исцелять немоту. Такой вот волшебный эликсир он мечтал создать.

А тем временем, отчим-депутат объявил несовершеннолетнего пасынка в розыск, потому что других детей он не мог безнаказанно бить, а бить очень хотелось, а Петю, как родного пасынка, мог. Среди примет, указанных им для розыска, первой и самой приметной была врожденная немота. «Разыскивается немой мальчик Петр Идителесов лет четырнадцати» – такое висело объявление во всех полицейских участках вологодской области, с фотографией Пети в семилетнем возрасте, потому что именно тогда, семь лет назад, в первом классе специнтерната имени святого мученика Акакия ребенка сфотографировали в последний раз.

Так что жил Петя уединенно, во мраке заточенья тянулись тихо дни его, другими словами – жил тише воды, ниже тра-

вы, не отвечивал.

На болотах он развернулся, как баян на деревенском пиру, мрак заточенья способствовал исключительной продуктивности – эксперименты ставились один за другим, и кое-каких результатов Петя уже достиг. Так в ходе работы над сывороткой «Лингвопетрплюс» появились черный карликовый козел, говорящий «иче», белый кролик, говорящий «гы» и серый котиче, дико орущий «ща-а-а-аз-з!».

У кролика было тридцать два зуба, а не двадцать восемь, как у обычных кроликов, морда была вытянута, как у лошади, а нижняя челюсть выпирала вперед, подобно бульдожьей. Козлик имел кудрявую шелковистую шерстку, высокий ленинский лоб, туповато-беспечный взгляд оптимиста, страдал косоглазием, а из пасти у него вечно торчала соломинка, наподобие сигареты. Кот был готичен. Морда широкая, злющая, один глаз ниже другого, нижние клыки поднимались к усам; взгляд был лютый, неподвижный, с парализующим гипнотическим эффектом.

Но не все, конечно, было так радужно, жизнь вообще штука противоречивая.

К сожалению, у Петинной научной деятельности имелась оборотная сторона. Сколько бедных зверюшек почили в бозе в ходе его новаторских экспериментов подсчитывать не будем – выжили, увы, только пятеро.

Вы, наверное, спросите, а куды подевалась еще пара счастличиков? Утку, вместо «кря-кря» выдававшую «ха-ха»,

поймала и съела лисица. А милейшего пса, который вылаивал «уй, уй» на жизнерадостном выдохе, Петя отдал приятелю по переписке, китаисту и востоковеду, когда тот написал, что решил завести собаку. Отправляя ему дворнягу, Петя посетовал, что у пса был рак горла и поэтому вместо нормально собачьего лая он издает хриплый короткий звук, который, как выяснилось, китаисту совсем не показался неприличным, а напротив вдохновлял и успокаивал его благородную душу, так как в исполнении пса означал на китайском «могу». Чуть позже китаист завел блог на YouTube и снял несколько роликов, в которых они с дворнягой на пару наяривали китайский марш под воодушевляющий аккомпанемент барабана. «Я все могу!» – басил китаист на китайском. «Могу! Могу!» – подвывал жизнерадостно пес.

В минуты тягостных разочарований и неуверенности в будущем, в особо ненастные и неудачные дни, Петя включал этот зажигательный сингл, укрепляя унылый дух жизнерадостным «уем».

2

Все нужное для работы: элементы, инструменты, семена и разную всячину необходимую для экспериментов, Петя заказывал по Интернету и получал на почте по понедельникам. Дорога на почту через ядовитые кусты и зловонную топь занимала часа два-три, так что отправлялся Петя засветло, толкая перед собой раздолбанную тележку, а на плече висел кот,

который плохо переносил отсутствие хозяина, жевал саженцы и срыгивал на микроскоп. Кот к тому же мог пригодиться, если почтальону взбрело бы в голову поговорить.

Если кому-то вдруг любопытно, откуда у Пети с питомцами столь удивительная синхронизация, то ответ в формуле сыворотки под номером двадцать четыре (она не сохранилась, так как у Пети привычка перетирать старые формулы новыми). У этой сыворотки имелся побочный эффект. Все трое – карликовый козел, кот и кролик – вскормленные этой двадцать четвертой, отлично понимали, что им говорят. Более того, они понимали мысли. Поэтому Петя общался с ними телепатически.

С почтальоном пока везло. На Петю тому было плевать. Обычно он брезгливо глядел на мальчика с высоты двухметрового роста, прекрасно ведая, с кем имеет дело – подобными необщительными агрономами кишел этот благословенный край, эта плодородная земля, щедро отдающая и ничем не брезгующая. За отсутствие любопытства Петя подносил ему настойку из слизи африканской улитки и хвостов южносахалинского дождевого червя с добавлением сыворотки номер четыре (ее сохранилось четыре ведра). От этого гоголь-моголя розовели ресницы и брови, сопли приобретали нежно-персиковый оттенок, из ушей струился синеватый дымок, а в голове били колокола сорока древнерусских церквей. А когда они, наконец, смолкали, наступала ни с чем сравнимая пятиминутная эйфория. Такой подарочек само

собой только подтверждал заблуждения почтальона на Петин счет.

Надо сказать, что почтальон был молчалив и покладист вовсе не по причине интроверсии характера, а потому что находился в бегах за двойное убийство и ждал, пока истечет срок давности преступления. Последние десять лет он жил по украденному паспорту, в котором было написано, что он Афанасий Гекторович Иванов-Задунайский, а на самом деле он был Захар Буденович Передрыщев, убийца двух собутыльников.

По вечерам, после уныло-постных трудовых будней, на него накатывала тоска, и только новости по телевизору, который каждые полчаса вздрагивал и искрил, как бракованная петарда, отвлекали почтальона от этой пакостной тоски, заставляя переживать за судьбу державы, окруженной завистниками и врагами.

А тут значит очередная посылка. Из Занзибара. В прошлый понедельник мнимый Афанасий Гекторович вскрыл одну из Петиных бандеролек, что кстати не укрылось от внимания юного гения, так что гоголь-моголь на червях и улитках он в этот раз не захватил в качестве наказания. В коробке оказались желудки колибри, икра южноамериканских жаб и что-то еще, чего не смог перевести Гугл-переводчик, а также две огромные линзы. Вот тут-то розоватые ноздри Афанасия Гекторовича раздулись и увлажнились. Так-так. Так-так-так. Зачем обычному наркоботанику вся эта заморская белибер-

да?

Только Петя взгромоздил на тележку здоровенный баул с экскрементами занзибарских макак для удобрения нового сорта подсолнуха, на чьи феноменальные свойства Петя очень рассчитывал, почтальон вдруг заговорил.

– Чаю, что ли, занзибарского прислали? – спросил он, дружелюбно поигрывая желваками.

Закинул удочку, так сказать.

Петя с безразличием матерого аутиста повел плечом, устраивая кота поудобней.

– Родня что ли там? – не отставал почтальон.

Петя будто не слышал. Почтальон шумно утер соплю.

– Не скучно одному-то, в глуши? Лет-то те скока? Восемнадцать есть?

Петя сделал успокоительный жест, мол, не беспокойтесь, батенька, и отвалите.

– Ну раз есть, может, водочки по стаканчику?

– Ща-а-аз-з!!!

Кот повернул башку, и так невыносимо проникновенен был его взгляд, что у почтальона закрутило в утробе. Понял он, что усатая тварь знает, что никакой он не Афанасий Гекторович, и более того, кот знает такое, что сам служитель почты предпочел бы забыть, и сделалось ему так тревожно за судьбу неокрепшей державы, что в тот же вечер он сел и накатал в ФСБ анонимный донос. Так мол и так, товарищи-господа дорогие. Живет в глуши отпрыск, конопля, как

все прочие здешние обитатели не выращивает, а прибывают к нему коробки подозрительные из иностранных держав и что там затевается одному сатане известно, может, бомбу химическую делает, а может биологическое оружие. Может, мальчик-то и не мальчик вовсе, а агент вражеской коалиции, разрабатывающий на секретной базе супер секретное оружие, грозящее уничтожить славян неокрепшей России. Вы уж разберитесь. А я пока за ним пригляжу, как радетель и патриот.

А Петя, вернувшись домой, со светлой меланхолией в сердце разрезал мешок, ведь как писал какой-то поэт – грубым дается радость, нежным дается печаль – вывалил на землю прессованные экскременты черных занзибарских макак и вдохнул блаженно аромат, казавшийся ему слаще узбекской дыни.

3

От сыворотки номер тридцать четыре увеличились не только мышинные голосовые связки, но и вся мышшь. Ну и черт с тобой, тридцать четвертая, разозлился Петя, расчесывая комариный укус. И стал готовить тридцать шестую.

Комары его жутко достали. Особенно по ночам, когда пищали над ухом. Но тут к счастью для Пети им приглянулась жирная подопытная мышшь. Они ее покусали, за неделю вымахали до размеров ворон и улетели на болото откладывать яйца.

Тем временем письмо почтальона достигло адресата. И очень скоро для проверки поступившей информации спецслужбы отправили на задание двух своих специальных агентов, лейтенантов Кислощеева и Стеклотарова.

Прибыв к полуночи, агенты бросили якорь на почте, потому что у почты асфальтированная дорога из города как раз и кончалась, а дальше в стороны расходились бугристые тропы, иссеченные рвами, канавами и буераками. Опасаясь проверки собственной личности, почтальон от страха выдул остаток Петиного гоголь-моголя и рано утром встретил агентов во всей красе – розовобровый, навытяжку, улыбка от уха до уха, над плешью печальная дымка, и совершенно оглохший от звона церковных колоколов.

– Ы-а-у! О-о-о! – мычал Афанасий Гекторович, подобострастно указывая тропу, откуда являлся малец. – У-а-ы! Хо-хо-хо!

Сделав с почтальоном совместное селфи и запостив его во Вконтакте, Кислощеев и Стеклотаров бодро двинулись в путь.

Шли они шли, красавцы, в полном цвете лет, Гугл-карта им показывала, что они, то в Гранд каньоне, то в Марианской впадине. Воздух источал гнильцу, румянец гас, пасторальные цвета сельской местности скоро сменились мрачным монохромом болот. Время от времени лесную тишину разрезал мучительный вой и, уступив место короткому визгу, стихал – привычная в общем-то атмосфера для некоторых профес-

сий. Неизвестно, имелся ли у агентов разряд по спортивному ориентированию в болотистой местности, но уже спустя пару часов выглядели оба, как вурдалаки, восставшие из могил. Не раз и не два провалившись в болото, лейтенанты утопили мобильники. Рация не работала. К борщевнику Кислощев и Стеклотаров вышли облепленные гнусом, увешанные вонючей тиной и с ослабленной мотивацией. Обычно при попадании в кровь растительный яд борщевика вызывал галлюцинации или потерю памяти, но на Стеклотарова он подействовал иначе, у того случилось раздвоение личности. Поцарапанный борщевиком Стеклотаров начал шептать, что он не только лейтенант, но и матушка Аглая, монахиня монастыря Марии Магдалины, без конца крестился и низко кланялся в пояс, так что Кислощеву пришлось огреть его бревном и тащить назад, к почте.

На обратном пути над ними кружил гигантский комар, размером с орла и так сердобольно выл, что Кислощев не выдержал и заплакал.

Отчет лейтенанты смогли написать только спустя неделю, после реабилитации в госпитале. Еще две недели ушли на анализ написанного. Начинался отчет с описания розовых соплей почтальона, а заканчивался истошным воем гигантского кровососа.

Рисковать другими агентами спецслужбы благоразумно не стали, и решено было отправить в этот Богом забытый угол дрон.

Дрон, надо сказать, снял милейшую пастораль. Озаряя мгlistый дол, как писал кто-то из классиков, поднималось над корабельными соснами солнце. Возле одноэтажного сруба, приюта спокойствия, трудов и вдохновенья, среди цветов и пышной зелени качался на веревочных качелях подросток. На коленях у него, под мирный шум дубров, дремал черненький козлик. Просматривая отснятое камерой дрона, лейтенант Кислощев захотел свежего молочка.

– Дядя Федор гребаный, – сказал он сам себе, закидывая ноги на стол.

С дронами, надо сказать, сначала вышла загвоздка. Первые два были сбиты местной жительницей из охотничьего ружья, но третий, полетевший в обход, все-таки вырулил на неопознанный дом, стоявший между горой и болотом, явно построенный без разрешения на строительство.

Денек был воскресным и теплым. По воскресеньям Петя обычно отправлялся на мышиное кладбище, где под скромными ивами, как писал поэт, хоронились зяблые трупики. Петя раскладывал светлячков на мышиных могилках и пропалывал небрежный плод своих забав – вечно зеленые гладиолусы.

Прополол он значит гладиолусы. Разложил на могилках зяблых трупиков светлячков. Собрал пакет чайных листьев с двух чайных кустов, доставшихся по наследству от прежних хозяев дома. Хорошенько удобрил кусты козлиным пометом. Потом вернулся на качели с чашкой крепкого чая и крепко

задумался о работе. ... то ли скрестить, качал он ногами, то ли клонировать, то ли отрезать и аккуратно пришить.

В общем, глядя, как малец беспечно качается взад-вперед, Кислощев на пару минут задремал, почесывая во сне в паху. Снилось ему что-то небесно-голубое, какой-то хоровод и позолоченный трактор. Проснувшись, Кислощев увидел, что на веранде у Пети дело к обеду.

Внутри лейтенанта заурчало, как в горле утопленника. Он достал бутерброд. А потом зачем-то приблизил объект наблюдения. В миске у Пети лениво шевелились плохо прожаренные личинки шелкопряда. Кислощев вскрикнул и бутерброд уронил.

В общем, дальше смотреть было незачем: модные очки, в теплице киви, черви богатые белком и простые в разведении, котики, козлики – картина для Кислощева была ясна.

Так и доложил он наверх. Мол, ни конопляных полей у объекта, ни подпольной нефтяной вышки, не за что зацепиться. Типичный дауншифтер, то есть представитель образованной молодежи среднего класса, стремящейся к отказу от материальных ценностей общества потребления. Короче, дегенерат.

Казалось, тут бы и истории конец, но подполковник Перемигайло, компенсированный параноид, лейтенантам сказал: «Так-то оно, конечно, так, но чую нутром, что-то не так, ведь дроны-то кто-то сбил? Не хуем же в самом деле?» И доверявший исключительно своему внутрикишечному чутью,

велел отрока все же проверить, на случай, если тот не только сдвинутый дауншифтер, но и по совместительству скрывающийся от налогов экстремист. И так как по случаю очередной инаугурации в Доме Правительства намечался банкет, то подполковник решил, что вот по пути-то они и заскочат проверить мальчика.

4

Раскачивая вокруг себя макушки деревьев, над домом завис вертолет. Открылась дверца, из нее выпала лестница, по которой неторопливо стал спускаться лейтенант Кислощев, а вслед за ним, беззвучно матерясь, Стеклотаров, оба в смокингах, потому что, как уже было сказано, летели они первого октября на правительственном вертолете на торжественное мероприятие.

Петя быстренько сунул в рот припасенную для таких вот случаев вставную челюсть с зубами цвета сосновой коры и надел очки с линзами, в которых его глубоко посаженные глаза выпучило и обозначилось дебеловатое косоглазие.

Спрыгнув на землю, вновь прибывшие показали корочки.
– Лейтенант Кислощев и лейтенант Стеклотаров.

Кота Петя перекинул через плечо, кролик лежал на согнутой, прижатой к бедру руке. Иче повернулся к чужакам задом, всецело готовый принять участие в содержательной и конструктивной беседе.

– Документики предъявите.

Петя протянул им паспорт покойной матери Александры Сергеевны. Матушка носила короткие волосы и очки на сильный плюс, так что Петя в своих окулярах был на нее похож.

– Александр Сергеев...ич Идителесов? Тля-я!

Петя позаботился, чтобы к дате рождения, а также окончания имени-отчества присохли три раздавленные блохи. Кроме того, он поселил под обложку живых. Встревоженные насекомые одна за другой начали выползать наружу.

– Тля-я! – заорал Стеклотаров, швыряя паспорт на землю.

– Гы, – «сказал» Петя.

– Один проживаете? – загоготав, спросил Кислощев.

Петя кивнул.

– Чем занимаетесь?

– Гы.

– Наркотики, незарегистрированное оружие имеете?

– Гы.

– Нам надо осмотреть дом.

– Ща-азз!

– Ты че, парень, не видишь, с кем разговариваешь?

– Гы.

– Да он по ходу debil. Парень, ты че, debil?

– И че?

– Точно, debil.

– Гы.

– В дом пройдемте.

И тут Щаз обернулся и с плеча на Кислощеева посмотрел. И наткнувшись на магнетический взгляд кота, показалось лейтенанту, будто наблюдает за ним его покойная бабушка, которую внук клятвенно обещал похоронить в красивом платье и дорогом гробу, но не сложилось, не успел, не вышло, похоронили старушку в халатике... короче, сделалось Кислощееву неуютно.

– Ладно. Полетели, – сказал он, сплевывая. – Пусть этим блохастым соцслужба занимается.

Служивые унесли в небесный эфир, матерясь и проклиная внутрикишечную интуицию подполковника.

А Петя снял очки и вынул вставные зубы. Новость про социальные службы ему решительно не понравилась. Он подумал, а не изобрести ли ему летаргический газ и не усыпить ли все человечество лет на пятнадцать-двадцать, чтобы не мешало работать.

В понедельник, как обычно, Петя явился на почту. Улыбаясь мальчику, как родному сыну, почтальон вручил мальцу повестку немедленно явиться в школу для не-настолько-насколько-положено-развитых детей для определения уровня его развития и дальнейшего распределения на учебно-воспитательную работу.

Школа располагалась в городе и называлась «Тунгусское сияние разума».

От имени профессора, как бы от имени своего опекуна,

Петя написал директору школы письмо. Мол так и так, ребенок страдает седалищным параличом, агорафобией, нервным заиканием и день ото дня слабеет зрением; позвольте ему сдать единый экзамен государственной аттестации для детей не настолько-насколько досрочно и заочно, согласно статье в законе конституции под номером, вы сами прекрасно знаете, каким.

Ответ воспоследовал незамедлительно.

«Уважаемый профессор Шницельпопперс! Зачем вам досрочный экзамен? Приводите ваше чадо. Ни паралич, ни агорафобии не помешают ему влиться в наш дружный коллектив и насладиться вязанием шарфов для ветеранов, раскрыем пододеяльники, а также сборкой коробочек, которая вообще не требует никакого зрения, и даже слепые с легкостью справляются с этой задачей! Наша школа лучшая в области и входит в пятерку региональных лидеров по производству сувениров из шишек и заготовке кедровых орехов!»

Петя насупился и ответил:

«Уважаемый директор, вынужден повторить свою просьбу о досрочном экзамене для моего племянника Петра Идителесова. Дело в том, что у него аллергия на картон, нитки, шишки, паркет, бетон и человеческие волосы. А если он начнет чихать, то может заразить всю школу бациллой *Axioutas Pikilopis*, которую испытывали на нем в раннем детстве, в качестве лекарства от паралича и признали неэффективной и даже впоследствии опасной. Бацилла вызывает гиперактив-

ность, диарею и агрессию. К тому же у него пиромания, в нашем доме за последние пять лет было двадцать семь пожаров, не считая пятидесяти мелких возгораний».

Директор:

«У нашей школы огромный опыт по обучению детей. У нас работают заслуженные учителя и психологи с большим стажем. Мы окружим вашего мальчика заботой и любовью, привяжем его к стулу, наденем на голову противогаз, и он и дети будут в полнейшей безопасности, уверяю вас. Доверьтесь нашему многолетнему опыту и вековым традициям. Наши выпускники работают даже в министерстве!»

Из Петиной груди вырвался глухой стон. Добыть летаргический газ и отравить полмира представилось ему делом менее сложным, чем добиться согласия на сдачу экзамена экстерном.

Он начал печатать: «...вынужден настаивать на досрочном экзамене, так как знаю, что вы делали прошлым летом, и прошлой весной, и прошлой зимой, поэтому будучи крайне заинтересованным в дальнейшем...»

Но тут на стол прыгнул кот, с независимым видом прогулялся туда-сюда по клавиатуре, напечатал абракадабру, потом, плюхнувшись, задрал лапу, и сколько Петя не внушал ему силой мысли убраться вон, не двигался с места.

Когда же кот наконец удалился, совершив омовение любимых конечностей, выяснилось, что письмо с абракадаброй унеслось по назначению и даже получен ответ – явиться на

досрочную сдачу экзамена первого ноября в девять утра.

5

Ничто не может воспрепятствовать работе и встать на пути рекламного агента, розничного торговца и просто ходебщика Бори Распнипияко! Беззвучной поступью дистрофика, не задев ни одной ядовитой колючки, всосав гигантского комара новейшей моделью пылесоса, Боря чудом просочился через болота и явился во всей красе, а именно в синем комбинезоне фирмы «Shop in heaven» перед домом Пети, чем несомненно заслужил бы орден за везение и безрассудство первой степени, если бы таковой существовал.

– Ну и комары у вас тут! – завизжал он, заприметив дрища, удобрявшего пометом чайный куст. – Не комары, а бизоны! От таких комаров вам просто необходим пылесос фирмы Хрентек! Хрентек – это гарантия долгой службы и отличного качества! Хрентек!

А у Пети, надо сказать, было не самое паскудное настроение, у него кое-что выросло, что на прошлой неделе совсем не росло, так что он сразу не выстрелил в незваного гостя из ружья седативной ампулой, что само по себе уже было крайне гостеприимно. С другой стороны, услышав про пылесос, Петя понял, что его способность оценивать внештатную ситуацию ослаблена детскими травмами. Пылесосы он ненавидел.

– С Хрентек вы навсегда забудете о пыли и грязи в вашем

доме!

Боря надрывал глотку, нисколько не сомневаясь, что стоявший перед ним дрищ, онемел от восторга и экстренно формулирует слова благодарности, потому что не каждый торговец допрет в такие ебенья, пусть даже и ненамеренно.

– Хрентек изменит вашу жизнь навсегда! Скрасит одиночество и согреет холодными вечерами!

Тут к Пете подошел Иче, самый общительный из питомцев и самый из них любопытный.

– И че? – произнес он, тем самым давая хозяину время на размышление.

Боря бодро кивнул – клиент на крючке.

– Цифровой инверторный мотор обеспечивает исключительно высокую мощность всасывания 150 Ватт!

– И че?

– Долгий срок службы, что подтверждено десятилетней гарантией!

– И че?

– Литий-ионная батарея обеспечивает до сорока минут работы даже при использовании специальных насадок. Обновленная конструкция батареи выдерживает более восьмисот циклов разряд-заряда!

– И че?

– Больше не надо менять мешки! Хрентек перерабатывает всю пыль и грязь в дистиллированную воду!

– И че?

Боря обиженно мотнул головой и пошел на второй круг – клиент попался тупой.

– У вас не комары, а мамонты! От таких комаров вам просто необходим пылесос фирмы Хрентек! Хрентек – это гарантия долгой службы и отличного качества! Хрентек!

Не желая прерывать беседу, от которой Иче получал явное удовольствие, Петя терпеливо держал оружие за спиной.

– И че?..

А пока Боря и Иче оживленно беседуют, нелишним будет напомнить, почему Петя не любил пылесосы.

Он не любил пылесосы с детства. С малых лет он их ненавидел. Каждое полнолуние его мучил кошмар с летающим пылесосом.

Снилось Пете, будто он обрел голос. Первая фаза сна была радостной. Петя скакал от счастья и громко кричал: «Эге-ей! Э-ге-ге-ей! Эге-е-ге-е-ге-е-е-ей!» Но затем наступала вторая половина сна, драматическая. На его радостный крик из шкафа-купе выползал пылесос. Он медленно выползал, медленно поднимал свой гудящий шланг и свирепо всасывал кислород. У-у-у-у-у-у-у. И, хохоча, всасывал весь «э-ге-гей». Петя бежал из квартиры, мчался и звал на помощь, но пылесос летел рядом на уровне носа, не отставал ни на дюйм. Гууууууу. Хо-хо-хо!!! Гуууууууу. И чем быстрее Петя бежал и чем громче кричал «помогите!», тем сильнее гудел пылесос.

– С Хрентек вы навсегда забудете о пыли и грязи в доме!

– И че?

– Ваш дом засияет в считанные минуты! Уровень шума фантастически низкий – семьдесят децибел!

– И че?

– Не хотите пылесос, у меня есть портативная губка Лизунья. Отмоет кафель, зеркала и окна в один момент, слижет насекомых, гадов и пресмыкающихся!

– И че?

– Слышь, те че впадлу губку купить? Я пер сюда, рискуя здоровьем и жизнью. Если бы я сгинул на ваших вонючих болотах, моя бедная мамаша никогда бы не расплатилась за пылесос и Лизунью.

– И че?

Иче гордо огляделся по сторонам – столь долгой и продуктивной беседы в одиночку ему поддерживать не доводилось.

Боря подумал-подумал и сказал напрямик:

– Как мужчина мужчине. Скидываю половину. Пожалей мамашу. У нее кроме меня одиннадцать поросят и страусовая ферма. Берешь пылесос или нет?

И Петя, гуманист по натуре, согласно кивнул.

– Другое дело, – обрадовался Боря.

Вам наверное любопытно, а откуда у Пети деньги на пылесос, чем зарабатывал наш болотный островитянин, на какие ши-ши жил, так сказать. Жил он скромно, питался с грядки. Кропал дипломы и диссертации, в общем, писал на заказ, используя свой недюжий умище для продвижения чужого. Министру финансов писал, сыну министра, племяннице

замминистра, ну и так далее и так далее, включая профессора Шницельпопперса, который не носил этого благородного звания до знакомства с Петей.

Впарив дрищу пылесос и получив с него все, что положено и даже чуть больше, чем он рассчитывал, но чуть меньше, чем он планировал, Боря собрался в обратный путь.

Петя сделал ему бутерброды в дорогу, с сыром собственного приготовления, потому что сердце у него несмотря ни на что было доброе.

Отпугивая болотную нечисть запахом Петиних бутербродов, ходебщик Боря благополучно добрался до почты.

Про Петю Боря сказал почтальону так:

– Любопытный пацан. Голос у него низкий, гулкий, словно из-под земли. Глаза умные и взгляд, как желоб Кермадек. Хоть и дрищ, а харизматичный. Ему бы к нам, в маркетинг. Но, кажется, он интроверт.

Почтальон купил у Бори губку Лизунью и пока не ударили церковные колокола, записал в блокнотик подозрительное «харизматичный интроверт».

А Петя тем временем взял топор и порубил пылесос фирмы «Хрентек» в мелкие щепки.

Вот так за считанные минуты фирма «Хрентек» помогла ему избавиться от ночного кошмара.

(на месте «Хрентек» может быть ваша реклама)

6

На стенах школы «Тунгусское сияние разума» висели портреты великих ученых и деятелей искусств, а также мультипликационные персонажи: Незнайка, Волк с Зайцем, Микки Маус, Вини Пух и Барт Симпсон.

Тишина стояла крошечная, и только слышно было, как пищит где-то мышь и пощелкивает, мигая, лампа.

– Так значит ты и есть Петр Идителесов? А где же твой дядя, профессор Шницельпопперс? – ласково спросил директор, увидев, что Петя явился в компании одного кролика.

– Гы, – ответил Петя.

И сразу как-то повеселев, директор повел отрока наверх, в класс, где усадил за парту, а в другом углу сидели двое учителей на деревянной лавке и три косоглазые девочки.

– Мы вам не мешаем? – учтиво спросил директор.

– Нет-нет! Ну что вы! – замахали руками учителя. – Чувствуйте себя непринужденно!

– Все записывается на камеру, – весело сказал директор Пете и подмигнул. – К сожалению, человек из комиссии застрял в дороге из-за обвала, так что раньше, чем через неделю не доберется, но мы справимся и без него. Удачи.

И придвинув ногой к парте ночной горшок и сунув Пете толстую кипу листов, насвистывая, отбыл.

Экзамен начался. Девочки затянули басами удалую казачью песню, которую они репетировали к дню выхода нового сезона сериала «Зомби простив казачества».

Экзамен Петю приятно удивил. Вопросы были исключительно по химии. Химию Петя любил с детства почти так же, как биологию. Так что он с удовольствием на все ответил, а на вопрос «Влияние температуры на кинетику ферментативных реакций» исписал тридцать девять листов.

Некоторые вопросы однако ему показались странными. Спрашивали, например, что можно получить при смешивании всех элементов таблицы Менделеева, или сколько ступеней в корпусе химического факультета МГУ.

7

Неожиданно грянула зима. Вьюга с ревом бешеным стучит по ставням свешенным.., так, кажется, писал какой-то поэт.

В печных трубах расположенной между болотами и горным плато деревни «Распездукино» гудело и подвывало. На окраине деревни, в трехэтажном доме, похожем на санаторий для больных туберкулезом, ставни свешенные с ревом бешеным сорвало с петель и понесло над деревней. А в ночь на воскресенье в доме переломилась верхняя балка, и половина крыши мягко отъехала в темноту. Дом качнуло. Накрепившись, он флегматично застыл в реверансе, распахнув два уцелевших окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.